

ПРАВО НА СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНЦЕПЦИИ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

*Т. А. Сенюшкина, кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии и социологии СГУ*

Процесс преобразований в Восточной Европе, который в 1989 году привел сначала к расшатыванию, а далее и к распаду Восточно-европейского блока, повлек за собой крупные изменения в государственном устройстве целого ряда стран. После распада трех прежних формально федеративно устроенных государств: СССР, Югославии и Чехословакии мы имеем дело с 27 вновь образованными государствами.

Территориальные границы новых государств не всегда совпадают с этническими границами, что и является, чаще всего, главной причиной этнических конфликтов. Кроме того, этнические группы, являющиеся меньшинствами, претендуют на сохранение культурной идентичности в условиях межэтнического взаимодействия.

Вопросы, связанные с перспективами существования этнических меньшинств и их взаимодействия с большинством населения актуальны не только для Восточно-европейских стран, а также и для большинства развитых государств Европы. Объединение Европы и стремление к европейской независимости идут рука об руку с возрождением поисков национальной независимости. К тому же, европейские страны столкнулись с проблемой массового притока рабочих – эмигрантов из Средиземноморских стран и беженцев, что способствовало превращению Западно-Европейских стран из моно национальных в полиэтнические.

Сегодня почти каждую Европейскую страну можно назвать мультикультурной. При этом мультинационализм и полиэтничность, как правило, сосуществуют и взаимообуславливают друг друга. В каждой стране имеются группы, которые хотят сохранить свою культурную независимость и требуют признания со стороны большинства населения. В связи с этим в структуре прав меньшинств в последнее время обнаруживаются контуры нового права – права на культурную независимость.

Прежде чем приступить к анализу данного права, следует остановиться на двух понятиях – мультинационализм и полиэтничность. Первое понятие обычно относится к ситуации, когда культурные группы живут в территориально обособленных районах, например, этнические венгры в Румынии. Второе понятие касается ситуации, когда члены этнической группы разбросаны по всей стране, например, турки в Голландии.

В связи с вышесказанным можно утверждать, что мультикультурализм – явление, характерное для всей Европы. Вопрос состоит лишь в том, как относиться к этому явлению: с одной стороны, можно соблюдать политику равенства и либерального индивидуализма. Такая политика противостоит дискриминации и угнетению благодаря групповой идентичности, она подчеркивает индивидуальное достоинство, присущее всем, а это ведет к равным правам независимо от группового членства.

Указанные принципы преобладали в идеологии Европейских стран после II мировой войны. Декларация прав человека 1948 года и Европейская конвенция по правам человека 1950 года не оговаривают специфически групповые права. Считалось, что принцип равенства, если его строго соблюдать, гарантирует культурную идентичность каждой группы.

Одной из причин отказа от идеи специфически групповых прав была неудача со схемой защиты меньшинств в Лиге Наций. Этой схемой, которая давала международное признание немецко-говорящим меньшинствам в Чехословакии и Польше, воспользовались немцы, считавшие оправданным завоевание в случае, если страна недостаточно обеспечивает растущие потребности немецких меньшинств. Память об этих событиях привела к пренебрежению правами человека по отношению к меньшинствам.

Саммит Совета Европы 1993 года принял декларацию, в которой говорится о том, что Европейскую конвенцию по правам человека нужно дополнить мерами, обеспечивающими права меньшинств(1). Эта декларация была поддержана Европейским Союзом на сессии Европарламента в 1995 году. Также проблема культурной идентичности и прав меньшинств разрабатывается на теоретическом уровне, в частности, в работах Чарльза Тейлора и Вилла Кимлика. Тейлор считает, что люди имеют фундаментальную потребность быть признанными не только как индивидуумы с общечеловеческими достоинствами, но и как существа, обладающие особой идентичностью, заложенной в культурной общности. Поэтому политика равенства, которая подчеркивает значение индивидуума и равных прав, должна быть подкреплена политикой различий, целью которой является публично и легально, т. е. на правовой основе, дать каждому возможность сохранить культурную идентичность. Кимлика в качестве отправной точки берет принцип политической автономии, который защищается либеральными философами типа Джона Ролза. При этом люди рассматриваются как ответственные индивидуумы, которым “нужно дать возможность жить такой жизнью, которую они считают приемлемой для себя, при условии, что это не вредит другим людям. Необходимо защищать их культуру, так как она обеспечивает выбор”. (2, с. 80). Следует отметить, что право на сохранение культуры или культурной идентичности содержит некоторые противоречия, которые нельзя недооценивать как с точки зрения объекта права, так и с точки зрения правоприменителя. Не вдаваясь в детали этих противоречий, необходимо заметить, что в целом эти проблемы более актуальны в ситуациях, связанных с разбросанным мультикультурализмом по сравнению с компактным мультикультурализмом.

Проблема культурной идентичности не может рассматриваться вне этнического контекста. Отметим, что вокруг проблем этнической идентичности в современной зарубежной литературе ведутся интенсивные дебаты. Главные их темы – реальное или мифологическое происхождение, а также характер компонентов, составляющих специфику этнической идентичности в отличие от других форм идентичности. Известный антрополог Клиффорд Гирц определяет этничность как “коллективно одобренный и публично выраженный мир личностной идентичности” или как “социально ратифицированную личностную идентичность” (3, с. 268). Таким образом, можно считать, что личностная идентичность в случае развитого коллективного сознания проявляется как этническая идентичность, черпающая свои истоки в культурной практике группы.

Концептуальное обоснование права на сохранение культурной идентичности предполагает необходимость формулировки цели указанного права. При попытке обосновать цель возникает концептуальная проблема. В политических дебатах и спорах создается впечатление, что существует полная ясность в вопросе о культурной идентичности некоторых этнических групп, к примеру, сербов и кельтов. Неевропейский пример такой кажущейся ясности – Африканская Хартия по правам человека, в которой говорится о сохранении африканских ценностей. В действительности, постановка вопроса о специфических африканских ценностях свидетельствует о наличии четкой культурной границы или дистанции, отличающей ценности африканских народов от неафриканских в сознании носителей этих ценностей. Сегодня большинство исследователей склоняются к мнению, что этнические границы определяют группу, а не сам по себе содержащийся в пределах таких границ культурный материал.

Культура не является однородной по своей сути, она динамична, она создается, разрушается, перестраивается. Она сама множественна и включает элементы других культур. “Процесс взаимодействия часто ведет к изменениям, которые рассматриваются в качестве ценностей членами культурной группы. Сохранение культуры может превратиться в желание сохранить образ культуры, но оно же может лишить эту культуру возможности развития”. (4, с. 110).

Мультикультурализм, подразумевающий наличие различных групп, живущих совместно в составе какого-либо политического единства, может породить целый ряд проблем в межэтническом взаимодействии, связанных с отношением людей к культурной практике отдельной группы. Данный вопрос будет не так остр при компактном мультикультурализме, но достаточно актуален при разбросанном мультикультурализме.

Часто приверженцы права сохранять культурную идентичность подчеркивают равенство культур, указывая на условность критериев при определении ценности той или иной практики культурных групп. Сторонники данной концепции утверждают, что практика культурных сообществ должна рассматриваться как равноценная. Как бы ни была привлекательна эта идея, следует признать ее недостаточно последовательной. Было бы необоснованно заранее рассматривать культурные практики как равноценные, ибо само понятие ценности носит глубоко индивидуальный характер и обусловлено принадлежностью носителя культурной практики к той или иной исторической традиции. Поэтому наиболее оптимальным можно признать подход, предлагающий "учитывать ценность других культурных практик, изучать их и вести диалог". (5, с. 66). Диалог может показать, что данная культурная практика действительно имеет ценность. В этом случае следует признать право сохранять культуру, а это значит, что мы должны быть готовы активно защищать данную культурную практику. Возможно, что большинство людей будет считать свои собственные культурные ценности универсальными, т. е. важными для всех, а другие культурные практики – неприемлемыми. Например, женское обрезание, встречающееся в культурной практике некоторых африканских народов, может рассматриваться большинством людей как несовместимое с человеческим достоинством женщины. В этом случае нельзя ожидать, что данная практика будет активно поддерживаться, и следовало бы признать негативное право, т. е. право воздерживаться от применения культурной практики.

Обоснование права на культурную идентичность предполагает постановку вопроса о субъекте права: являются ли отдельные индивидуумы или группы носителями права сохранять культурную практику? Декларация Саммита Европы и Доклад Европейского Парламента 1995 года, а также многие европейские ученые и политики воздерживаются от признания коллективного права меньшинств на сохранение культурной идентичности (6, с. 46). Многие считают, что коллективные права противоречат индивидуальному характеру прав человека (7, с. 43). С другой стороны, многие теоретики и политики поддерживают коллективное право. К примеру, Ставен-хаген, Ван Дайк и Гальтунг выступают за права культурных групп (8, с. 32).

Мы считаем, что понятие индивидуальности человеческих прав не обязательно означает, что права человека по своей природе являются индивидуальными. Но не следует понимать политику дифференциации так, якобы группы определяются на основании определенных закрепленных особенностей. Контуров культурных групп не определяют природой. Они постоянно изменяются, и в каждый определенный момент неясно, кто относится к данной культурной группе, а кто может быть исключен из нее. Дифференциация групп устанавливается и разрушается их отношениями друг к другу. (9, с. 159). В этом смысле групповая самобытность – категория историческая. Это не "набор объективных фактов, а продукт пережитого". (Там же, с. 161).

Право на сохранение культурной идентичности означает, что необходима правовая защита сохранения культурной самобытности группы от доминирующего большинства. При этом следовало бы рассмотреть вопрос о меньшинствах внутри меньшинств и, в конце концов, об отдельных людях внутри меньшинств. Эта проблема характерна как для разбросанного, так и для компактного мультикультурализма, ибо каждая общность характеризуется мультикультурализмом и всегда существует вопрос об индивидуальной самобытности. Поэтому следует признать, что коллективное право на сохранение культурной самобытности возможно при условии уважения свободы выбора индивидуума. Отдельные люди не обязаны подчиняться культурным особенностям большей группы в меньшинстве. (9, с. 159). Было бы непоследовательным, если группы придерживаются права жить своей культурной жизнью по-своему и не позволяют отдельным членам этих групп жить так, как они считают нужным.

В заключение хотелось бы сделать некоторые выводы. Итак, люди должны сохранять свою культурную самобытность. Принцип автономии предписывает людям жить в соответствии с их культурной практикой. Право сохранять культурную самобытность может быть справедливым ответом на потребность политического признания культурной самобытности. Однако существуют некоторые проблемы в отношении объекта данного права, который трудно определить, в особен-

ности в ситуациях, связанных с разбросанным мультикультурализмом. Кроме того, в целом ряде случаев сохранение культурной практики может быть неприемлемо, хотя членов политического сообщества просят учитывать ценность традиций меньшинств. В случае признания ценности данной культурной практики следует установить позитивное и негативное право сохранения культурной самобытности. Если же данная практика не признается как ценная, необходимо признать защиту негативного права от вмешательства других.

В отношении носителя права можно утверждать, что возможен коллективный субъект права, в особенности при компактном мультикультурализме. Коллективные права в принципе совместимы с индивидуализацией прав человека. При этом коллективные права не должны вести к угнетению малых групп индивидуумов внутри культурной группы.

Следует ли рассматривать право сохранения культурной самобытности как индивидуальное, но специальное право, которое принадлежит только членам особых групп? Новый Южно-Африканский Билль о Правах формулирует культурные права в терминах индивидуальных прав, утверждая, что "все имеют право пользоваться языком и участвовать в культурной жизни по своему выбору". Если это право означает, что пользоваться им могут не только члены культурных групп, а все члены сообщества, то его нельзя назвать специальным правом. Документ подтверждает, что все имеют это право. Это показывает, что сохранение культурной самобытности не требует специальных прав, и что политика равенства дает большую защиту, чем предполагалось. Считается, что политика равенства ведет к однородности и ассимиляции, а также не принимает во внимание дифференциацию людей. Такова могла быть действительная политическая ситуация и доминантное объяснение политики равенства, но это не обязательно следствие политики равенства. Политика различий может составлять целое с политикой равенства, если обеспечить поддержку тех, кто до сих пор исключался из теоретического и политического развития прав человека, например, культурные меньшинства. (8, с. 159). Опыт этих групп может показать, что отдельные ресурсы и возможность полноценной жизни отнимались у них и что это положение следует исправить. Но это не должно вести к появлению особых прав, т. е. прав,

присущих только некоторым людям. Это может привести к новой интерпретации или трансформации существующих прав или к введению новых прав, вводящихся на основе культурного опыта групп, но считающихся равными или всеобщими правами.

Примечания:

1. Vienna Declaration, SUM (93) 2, 9 October 1993.
2. Will Kymlicka, *Multicultural Citizenship*, - Oxford: Oxford University Press, 1995.
3. Geerts C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*.-- New York: Basic Books, 1973.
4. Jeremy Waldron, "Multiculturalism and Minority Rights", - Oxford: Oxford University Press, 1995.
5. Charles Taylor, "The Politics of Recognition", in: *Multiculturalism, examining the politics of recognition*. Charles Taylor, et. al., Amy Gutmann (ed.), Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1994.
6. A. D. Renteln, *International Human Rights*, Sage Publications, inc., 1990.
7. J Donnelly, *Human Rights, "Individual Rights and Collective Rights"*, in: j Berting, *Human Rights in a Pluralist World: individuals and collectivities* 1990.
8. Vernon Van Dyke, "The individual, the State, and Ethnic Communities in Political Theory", in: Will Kymlicka (ed.). *The Rights of Minority Cultures* (Oxford: Oxford University Press, 1995).
9. Iris Young, "Transforming the Logic of Group Political Conflict", in: Will Kymlicka (ed.). *The Rights of Minority Cultures* (Oxford: Oxford University Press, 1995)